

KI 1032327

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН

ec
кр

ЗВЁЗДЫ
ПОЛЯРНОГО КРУГА

ИРКУТСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН

ЗВЁЗДЫ

ПОЛЯРНОГО

КРУГА

СТИХОТВОРЕНИЯ

**ИРКУТСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

ВЕЛИКИЙ СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ

Дорога их по дежневскому следу,
По маякам постов сторожевых,
Где, трудовую праздную победу,
Зажглись сиянья бухт передовых.

Зимовать будет горько, обидно.
Растеряются жизни, и чьи-то исчезнут следы.

Голод станет томить.
Смерть придёт — без могилы...
Поглядите! Они всё идут и идут.
Видно есть на Руси удалецкие силы!

Поговорки о них заклинают беду:
«Удалец — не утонет»,
«Удачник — не сгинет»...
Леденеющей бездной,
Последней волной
Вот, на отмели эти, судёнышки кинет,
И костлявая смерть отойдёт стороной.

Раскололись судёнышки.
Жалкие кóчи,—
Долотом да топориком сшиты суда,
Да прошли, не робея, сквозь вьюжные ночи,
По студёным морям залетели сюда.

Капитан-командор, Витус Беринг, возвышен:
Окрещён его именем русский пролив,
А казак-мореход, Сёмка Дежнев, не слышен,
Чуть не веком пораньше его переплыв.

Эй, казак-удалец,
Сын Российской землицы!

Эй, Семён-свет-Иванович, встань, покажись!
Ишь, какой ты, приземистый да круглолицый.
По плечу тебе трудная, бурная жизнь.

Ишь, какой ты!
В кафтане родного суконца,
В доброй шубе медвежьей,
В московских цветных сапогах...
Борода у тебя ярче рыжего солнца.
Взгляд — пронзителен. Речь — скуповата, строга.

У костра ты стоишь, опираясь на саблю.
Рядом дремлют товарищи странствий твоих.
Зимовать будет люто.
Ты шепчешь: «Души не ослаблю»...
(Так и я говорю себе в час испытаний лихих).

Не ослабнешь, Семён-свет-Иванович!
Слава
Подняла твоё имя навеки-веков:
Этот глыбистый берег
России держава
Закрепила границею материков.

...Опустите бинокли!
Закройте зрачки фотокамер!
Не глазами, а сердцем глядите в рассвет:
Дежнев-Мыс над Чукоткой поднялся и замер,
Верный памятник дерзостных русских побед.

ПАМЯТНИК ШЕЛЕХОВУ В ИРКУТСКЕ

Колумб здесь Русский погребен,
Преплыл моря, открыл страны безвестны...

Державин. Надпись на камне могилы
Г. И. Шелехова в Иркутске.

Шапки снять!

Здесь лежит открыватель Аляски,

Наш Российский Колумб,

Полномочный наместник рубежных морей.

Два столетья о нём повторяет былинные сказки

На границе Полярного Круга

Грохочущий льдами борей.

Время гложет гранит,

Изветшала плита над могилой,

Позолота померкла.

И всё-таки блещет державинский стих!

Вспоминает его Ангара, налитая стремительной
силой;

Вдохновенные волны поют

О величии предков моих,

Спит кладбище.
Героевы кости истлели.
Остаётся нетленна крылатая юность мечты.
В заполярную ночь
У последней глухой параллели
Эту старую повесть
Сегодня по-новому ты перечти.

Путь — на Север!
По мокрым снегам алеутским,
По торосистым глыбам
На устья туземных, неизвестных рек.
Он отсюда прошёл —
Переулком забытым иркутским —
На другой материк,
За собой приведя заблудившийся век.

Над Курильской грядой
Плыло солнце Полярной Державы.
А охочие люди в Охотске
Смолили морские суда,
На льняных парусах пробивались за все
ледоставы,

И уже в Калифорнии
Вятский мужик становил города...

Два столетия
Огнём салютуют вулканы Камчатки,
Молодых новосёлов встречая

На грани старинных путей;
Острова алеутов поныне хранят отпечатки
Величавых следов
Дружелюбия русских людей.

Спи, Григорий Иванович Шелехов!
Почесть — с тобою!
По открытым морям
На просторы весенней земли
Молодые преемники твёрдой и дерзкой рукою
Через Северный полюс
Ещё проведут корабли.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД СЕДОВА

Темны до безумья последние ночи
На подступах лютого полюса;
Дьявол пустыни плюёт и морочит,
В снегах зарываясь до пояса.

Позёмка гудит, раздвигая ущелья,
И в небе захлопнулись ставни.
Ослепший медведь, просыпаясь с похмелья,
Сосёт леденистые камни.

Сугробы сдувает, как мыльную пену.
И впору земле расколоться.
Но вдруг — тишина подняла свою стену,
И ты будто в срубе колодца.

Глядишь одиноко в кромешную темень,
Где только что гибель рычала:
А там на скаку остановлено время,
Там всё без конца, без начала.

Быть может, пошёл он, рискуя напрасно,
И подвиг ему не по силе?
Быть может, отчаянье цепко и властно
Вело его только к могиле?

О чём он задумался так утомлённо,
Считая патроны в нагане?
Холодный курок подсказал иступлённо:
— Не кончить ли песню заранее?..

Тут он спохватился... что скажут в столице?
Как встретят его неудачу?
Придётся оставить молве-небылице
Одну роковую задачу.

Согнувшись под пологом рваной палатки,
На карту взглянув, будто в яму,
Он снял с обмороженных пальцев перчатки,
Дневник заполняя упрямо.

Потом поглядел на семейные снимки.
С женою простился любовно:
По грубой щеке прокатились слезинки.
Но сердце откликнулось ровно.

И пусть ему дьявол грозит снеговертью,
Промоинной льдины карёжит.
Ведь он уже знает дорогу к бессмертью,
Седов возвратиться не может.

ЧКАЛОВ В «ЗОНЕ НЕДОСТУПНОСТИ»

Планета подняла белеющее темя,
Земная ось качнула льдистый краж.
Здесь не бывает ночи в это время,
И странный свет расплывчат, как мираж.

Почудилось ему, всего одно мгновенье:
На полюсе — дымящийся костёр.
(Там — четверо, скрывая нетерпенье,
Конечно, поджидают до сих пор...)

А видимость внизу — одни сплошные тучи,
Белёсая, гнилая пелена.
Мотор ревёт уверенный, могучий.
Но выключилась радиоволна.

Оглохли сразу все приёмные приборы,
Лишь передатчик искрится немой.
Магнитные преграды, словно горы,
А надо пробиваться по прямой.

Пусть компас, вздрогнув в тайной лихорадке,
Остановил безумную иглу,
Мотор не сдаст, пропеллеры в порядке,
Литые крылья режут полумглу.

На этой широте беспомощны покуда
Короткая и длинная волна.
Но Чкалов слышит Родину отсюда:
Душа его спокойна и сильна.

На подвиг послан он своим народом,
Он сталинской заботой ободрён.
Полярный Путь всё шире год за годом,
Трудами поколений проторён.

Нет «зоны недоступности» для смелых,
Которым честь и слава суждена:
Над полюсом, в туманах леденелых,
Сегодня эта зона пройдена!

ЛАГЕРЬ НА ВЕРШИНЕ МИРА

Шумные гиганты-самолёты
Помахали крыльями прощально.
Словно бы очнувшись от дремоты,
Ветер засигналил величально.

Смутная стоит Вершина Мира:
Бездна, уходящая в туманы,
Грань, в которой точкою пунктира
Связаны узлом меридианы...

Снег да ледовые пестрядины.
Жёлтые да синие отсветы.
Тучи, распустив свои седины,
Солнцем невысоким подогреты.

Плоская угрюмая равнина.
Призрачные голые трущобы.
Вот она, папанинская льдина,
Вросшая как памятник в сугробы!

Чёрная палатка на столетья
Островом останется в пустыне.
Вымпелов пылающих соцветья
Полюс освещают и доныне.

Лагерь дрейфовать уйдёт со л дами,
Море колыхнётся у порога.
Многое забудется с годами,
Эта не забудется дорога.

Вижу я опять, подходит время,
Сбудутся мечтания поэтов:
Вновь поднимет сталинское племя
На Вершине Мира флаг Советов.

Четырём героям выйдет смена —
Армия строителей окраин,
И пустыню вызволит из плена
Наш полярник —
Полюса хозяин.

РУССКИЕ ФЛАГИ В АНТАРКТИКЕ

ОТКРЫТИЕ АНТАРКТИДЫ, 1820 год

По-российски январь, а в Антарктике лето.
Впрочем, мало похоже: то град, то буран.
Ледяные барьеры взрываются где-то,
Чёрный морок слепит — океанский туман.

Чуть вода поугрюмее, вырастут зыби,—
С парусами работа: прибавь да убавь!
Возле самых бортов стеклянеют пловучие глыбы,
Материк потаённый приблизился въявь.

Вот она, станова́я земля Антарктиды!
В неподвижном овале подзорной трубы
Поклонились гранитные кариатиды
И навытяжку снежные встали столбы.

Громыкнула с кормы судовая мортира;
Якоря по-хозяйски ощупали дно.

Легендарная пустошь, окраина мира,
Открывателей ты поджидала давно.

Принимай к берегам своим русские флаги!
Слушай тёплую песню могучих людей!
Покорители мрака, питомцы отваги,
Добрались до тебя среди льдов и морей.

Здесь российская вотчина будет отныне,
И Андреевский крест станет Южным Крестом:
Он затеплил огни в нелюдимой пустыне —
Этот свет разгорится когда-нибудь вечным
костром! ¹

Медным гулом — «Коль славен» — запели утёсы.
Отражённое эхо рокочет во льды...
Славен флот россиян, — офицеры, матросы,
Карта Мира отметит бессмертные ваши следы.

РЕЙС КИТОБОЙНОЙ ФЛОТИЛИИ „СЛАВА“,
1948 ГОД

Экватор пройден.
Солнечная лава
На крайний юг остывшая плывёт.
В Антарктику весну приводит «Слава» —
Буксиром солнца стал отечественный флот.

¹ Андреевский крест — голубой крест по диагонали на белом поле, такой был в прошлом военнс-морской флаг России. «Коль славен» — старый национальный гимн Российской Империи. Южный Крест — крупнейшее созвездие, видимое в южном полушарии.

Пловучей базе следом китобойцы
Распадут льдистый дальний океан.
Друзья весны,
Матросы-комсомольцы,
Я вижу ваш счастливый караван.

На широте, где айсбергов громады
Шатает буря в пенистых валах,—
Плывут киты,
И льются звездопады,
И Южный Крест блестит на вымпелах.

И под созвездьем этим — словно дома,
Советский гимн
Я слышу с кораблей.
Окрайна мира издавна знакома
Друзьям весны — хозяевам морей.

Удачный путь вам,
Труженики моря!
Да будут с вами вёдреные дни!
Добычу прибывую гарпунёря,
Вы в тёмном океане не одни.

Чужие ветры мчатся над волнами,
Оскалился разбитый бурей лёд.
Но с вашими сигнальными огнями
На вахту славы
Родина встаёт.

ВОСТОЧНЫЙ СЕКТОР АРКТИКИ

СТРОИТЕЛЬ ДОРОГ

Стихла апрельская вьюга,
Изморозь пахнет весной.
Встретив как старого друга,
Сердцу родная округа
Снова зажгла надо мной
Звёзды Полярного Круга.

Около первой зимовки
Нынче шумит городок.
Северных дебрей обновки —
Следом давнишней кочёвки,
Взрыхлив зелёный ледок, —
Тракторы вышли с ночёвки.

Путь им теперь без помехи
Мы проторили — навек!
Помню я: редкие вехи,

Хлипких палаток прорехи,
Лагерь на пустошах рек,
Взрывы горы-Кигиллехи¹.

Стиснув трясины гнилые,
Дамба до моря легла.
Там в зыбуны снеговые
Камни мы клали впервые,
Песня на подвиг звала,
Плавились льды вековые.

Как далеки эти годы!
Вёсны уходят вперёд.
Слышишь, гремят ледоходы,
Полые ринулись воды:
Наша дорога ведёт
Новую смену в походы.

Пусть же апрельская вьюга
Сыплет в виски сединой.
Встретив как старого друга,
Сердцу родная округа
Снова зажгла надо мной
Звёзды Полярного Круга.

¹ Кигиллехи—каменные столбы.

В ХРЕБТАХ БЫРРАНГА

На белой подошве Таймыра,
Скривившись, как два бумеранга,
Загадкой полярного мира
Легли хребтовины Бырранга.

Я видел в окне самолёта
Оскал неприступной утробы,
Бездонных ущелий ворота
И чёрного снега сугробы.

Сквозь вздыбленный каменный хаос
Какая-то злобная сила
На древних утёсах взрывалась,
Замёрзшую землю месила.

И словно в котлах преисподних,
Шумнее чем ночь грозовая,
По руслам потоков безводных
Хлестала метель низовая...

Потом на ночёвке в Игарке,
Толкуя про наши полёты,
В рассказе причудливо-ярком
Быранг поминали пилоты.

(Нога человечья в те поры
На этих хребтах не бывала.
Столетних преданий узоры
Людская молва вышивала.)

Быранг — это тёмные вьюги...
Быранг — это гром камнепада...
Рубеж прокажённой округи...
Туземных кочевий преграда...

Ни зверя, ни птиц, ни растений
Поблизости даже там нету.
На памяти всех поколений
Там гибель и мрак без просвету.

.
Сегодня мне диктор столичный
Сказал в микрофон деловито,
Что подвиг свершён необычный:
Кольцо камнепадов пробито.

Я знаю, какие лишенья
Достанутся землепроходцам:
В пустыне, безвестной с рожденья,
Отвага со смертью столкнётся.

Отчизна моя дорогая,
Заботой твоею хранимы
Герои полярного края
Пусть будут в пути невредимы!

Пусть там, на окраине мира,
Никто не исчезнет неведом.
Пусть солнце сквозь камни Таймыра
Пройдёт за героями следом!

РАДИОПОСТ

Четыре домика вдоль берега
Мы нашей улицей зовём.
Ночное солнце моря Беринга
Земле не даст тепла взаём.

Здесь в сентябре зима нечаянно
Сугробы сыплет, как холмы.
И ветер полюса отчаянно
Ткёт паутину полутьмы.

Сначала мы скучали истоиво.
Хандра такая, хоть давись.
Потом знакомцами, радистами,
В эфире все обзавелись.

Родилась дружба, пусть заочная,
Но и она нам помогла:
Казалась Арктика Восточная
В таком содружестве тепла.

Мы обживали место новое
(На карте гиблый уголок).
И небо слишком тут суровое
И ветер чересчур жесток.

И много было пота пролито
В почти невыносимый мороз...
Зато горячим нашим опытом
Согрет арктический форпост.

Всё нам родное стало, кровное,
И низкий берег, и домá,
И море мутное, огромное,
И даже чёртова зима.

Мы и её переупрямили!
Уже не год, а скоро пять,
Мы не замёрзли и не замерли,
И остаёмся весновать.

ФОТОКАРТОЧКА КАПИТАНА БИТЯГОВА

Это ты «не вернулся на базу»
В сорок первом году, в декабре.
Это — ты!..
Я узнал тебя сразу.
Значит, в воздухе ты не сгорел?

Значит, море тебя не сгубило?
Ты — живой!
Не поверить нельзя.
А попробуй, припомни, что было.
...Чёрным дымом ударит в глаза.

Океанская бездна простора.
Мессершмиты из тучи ревут.
И тревожней звезды метеора
Загоревшийся твой парашют.

После бешеной той суматохи
Я вернулся с разбитым крылом...

Отбомбились мы всё же неплохо.
Впрочем, что вспоминать о былом,

Повстречаемся снова, дружище!
Не уйдёшь от судьбы, говорят:
Кто бы знал, что тебя она сыщёт
И пошлёт в мой воздушный отряд.

Я читать «послужной» твой не стану,
А портрет ещё раз погляжу.
Всё такой же,
Не видно изъяну.
Постарел лишь, по правде скажу.

Семь годков, и не так оно много,
А морщинок прибавилось, друг.
Что глядишь скучновато и строго,
Суетился фотограф вокруг?

Да, позировать ты не охотник —
Знаю, знаю, дружище, давно.
Скромный лётчик, полярный работник,
Ты водил боевое звено.

Капитанский погон — по заслуге.
Орденá, на груди, орденá.
Не сгоревшему в огненной вьюге,
Жизнь вторая тебе суждена.

Ты, и впрямь, из породы орлиной:
Нос — с горбинкой,
А брови — в разлёт.
Чёрный ус (не короткий, не длинный)
На упрямые губы плывёт.

Ох, красив ты, красив ты, чертяга,
И попрежнему, видно, здоров.
Здесь у нас молодая ватага,
Приезжай, капитан Битягов!

Приезжай поскорей. И — за дело!
Обучать будем новых орлят.
Снова Арктика вся загудела,
И опять лесовозы трубят.

Поднялись вымпелá пятилетки.
Как на фронте, приказы ясны:
Выходи в ледовые разведки
Накануне великой весны.

Ты всегда был послушен приказу.
Самолёт тебе снова готов.
Ты — живой!
Ты вернёшься на базу.
Приезжай поскорей, Битягов!

ОХОТСКИЕ ЖИТЕЛИ

Охотское море,
Охота-река,
И город Охотском зовётся.
И песня в Охотске поётся:
«Охочему люду работа легка,
С охотою легче живётся»...

На голых песках поднялся городок:
Ни камня, ни деревца нету,
А славен по белому свету.
Он сторожем вышел на Дальний Восток,
Поставил на взморье отмету.

Его подмывала шальная вода,
Морские пески заносили,
И ветры избушки сносили.
И, что же? Охочая воля тверда,
Хватило у жителей силы.

Три века растёт городок да растёт,
Ядрёный, задорный, двужильный.

Добычей не так уж обильный.
Да только живёт в нём надёжный народ,
И нет там души слабосильной.

Охочие люди в Охотске живут —
Ловцы, пушники, китоловы.
У всех у них песни готовы.
А песни в Охотске не даром поют:
Готовятся, значит, обновы.

И, впрямь, обновляется наш городок.
Отцовская радость богата —
Растут и дома и ребята.
И выращен первый кудрявый садок
В песках, пустовавших когда-то.

БЫВАЛЫЙ ПОЛЯРНИК

Не так чтобы молод, не скажешь и стар,
А за плечами — семнадцать зимовок.
Лицо прокалил меднокрасный загар;
И весь он подтянут, напорист и ловок.

Походка пружинит, стремителен взгляд,
Могучие плечи широки и круты.
Ему непривычен парадный наряд,
И тесно, должно быть, в просторе каюты.

Он ходит по палубе, словно на льду.
Машистая поступь ложится проворно.
Таковыми шагами сквозь ветер идут,
Сквозь смерть переходят легко и упорно.

Как изморозь, в тёмных висках седина.
Ну, что же, не красят года и тревоги.
Зато вот душа молода и сильна,
Всегда наготове в любые дороги.

Семнадцать зимовок на картах страны —
Семнадцать форпостов в безлюдье обжито!
Теперь там на рейдах огни зажжены,
Холодное море для жизни открыто.

И уж не туда ли он смотрит назад,
Волнуем одной неотступною думой?
Зимой ледоставы опять пригрозят
Становью, открытому в бухте Угрюмой.

Как справятся новые люди с пургой?
Успеют ли грузы убрать от припая?
Он пристально смотрит на берег нагой,
А там уже первая дымка слепая.

Снежит нынче рано, термометр упал,
Скупая заря полусумраком стёрта...
Сейчас начинается первый аврал:
Матёрые льды лезут с правого борта.

ОСЕНЬ ЗВЕРОБОЯ

Грузные сизые гуси
Гулко полощут крылами,
В дымном полунощном небе
Солнце сторело дотла.
Зайцы полярные трусят,
Филин гнездует на камень.
Лунный обломанный гребень
Тушит промокшая мгла.

Сентябрь подымает погоду —
Гремучую чёрную воду,
Чеканит плешивые ивы
Холодным, пустым серебром.
Курчавится шерсть горносталя,
Песец голубеет лениво,
Медведь-рыбод на протоке
Хрустит осетровым ребром.

Уложены в сумку заряды,
Обтянуты камусом лыжи,

Как бритва, наточен до блеска
Гранёный увесистый нож.

Теперь бы скорей снегопады
Да к морю податься поближе.
На самом краю перелеска
Звериный заказник хорош.

И зверя и вьюгу я встречу
Колючей, добротной картечью;
Поставлю мои самолёвы
На хитрых песцовых следах.
Обшарю приморскую тундру,
Возьму меховые обшвы;
А белого умку-медведя
Ножом доканаю во льдах.

КРАСНЫЙ ЧУМ В ЭВЕНКИИ

Стой! Придержи оленей!
Взглянем, что там такое?..
Полная серых теней
Тундра лежит в покое.

Круглые лбы увалов
Спят, как тюлени в море.
Зáросли черноталов
Дремлют на косогоре.

Два светляка чудесных
Словно с небес упали,
Между холмов окрестных
Дружески замерцали.

Эй! Поезжай убродом!
Встречи теплы такие.
Красный чум походом
Кочует по Эвенкии.

На-два шатра — палатка.
Два фонаря — у входа.
Дыма густая прядка
Льётся из дымохода.

Ну, заходи смелее.
Ух, как светло и чисто!
Пол снеговой белеет,
Лампы горят лучисто.

Столик складной, просторный.
Россыпь газет и книжек.
В печке огонь задорный
Дверцы узором выжег.

Тундры обычай зная,
Гостеприимством щедрый,
Весело закипая,
Булькает чайник медный.

Лозунги и плакаты
Будто летят с простенков:
Нам говорят крылато
На языке эвенков.

Вот в радиоприёмник
Слышен привет столицы.
Ветер затих бездомник.
Песни шумят, как птицы.

Здравствуй, товарищ Сталин!
У твоего портрета
Мы — сыновьями встали.
Тундра тобой согрета.

Это твоею волей
В зимних становьях здешних
Крепнет весенней долей
Племя людей воскресших.

В северном отдаленье
Наша любовь с тобою!
Сталинское ученье
Речью звучит родною.

Дело Вождя — с народом!
Радостны дни такие.
Красный чум походом
Кочует по Эвенкии.

УЛЬЯН БЕЛКОВЩИК

В кедрóвых лесах отбуянил буран,
Щебечут синицы-теньковки.
Мой верный напарник, охотник Ульян,
Готовит к работе винтовки.

Заманчиво тёмные блещут стволы,
До глянца начищены ложа,
Обшиты подстриженным мехом чехлы,
Упруга чехольная кожа.

В добротном порядке охотничья снасть!
Ульян постарался на славу:
Ему дорога промысловая страсть,
Таёжное дело по нраву.

Чуть белка поспеет, мой парень готов,
Во сне об охоте толкует.
Парнишке всего-то шестнадцать годов,
А пятую зиму белкует,

Как выйдем по снегу в широкую падь,
Начнём огневую работу,
Ульяна не надобно мне подгонять —
Он сам меня вгонит в заботу.

И ты не гляди, что по виду он тих.
Попробуй-ка с ним потягаться.
Возьму я, к примеру, десяток бельчих,
А он настреляет — пятнадцать!

В другой раз, пятнадцать и я принесу.
Тогда у него — два десятка.
Обшарит, кажись, все деревья в лесу,
Добычу возьмёт без остатка.

Совсем мой Ульян осрамил старика.
И всё-таки мне не обидно:
Ведь промыслу я обучал паренька, —
По выстрелу каждому видно.

Хлестнёт малопулькой: не в темя, так в глаз!
Не пустит на ветер заряда.
И шкурка выходит — по сорту — как раз
Такая, что скидки не надо.

Серебряным дымом струятся меха,
Богатство пушистое наше.
И, что тут таить, (не скрываю греха!)
Пушнина Ульянова... краше,

Глаза у него поострее моих,
Потвёрже рука на прикладе.
Колхозный хозяин угодий лесных,
Он лучший охотник в бригаде.

Шестнадцать годов моему пареньку,
А я в седине... ну, так что же:
Напарник такой по душе старику,
С ним станешь, и вправду, моложе.

Простите, друзья, седоусую спесь:
Ульяном горжусь и собою.
У парня приметная выучка есть —
Мой опыт и даже с лихвою.

Недаром с подростками трудимся мы,
Оправданы наши заботы.
Скажу вам по чести, еще две зимы —
Ульян будет мастер охоты.

ГАЗЕТНАЯ ПОЧТА В ЗАПОЛЯРЬЕ

За четыре шага
На оленье рога
Опускается лютая ночь.

Слюдяная луна.
Леденец валуна.
Глухоманное место — урочь.

Месяц — тундровый март.
Место — город Колымск.
Россыпь звёзд накануне весны.

Скрип взлетающих нарт.
Бледной вьюги азарт.
Тяжелы заполярные сны.

Но у самой последней избы, за углом,
Тёплый храп и качанье рогов.
Почтальон поправляет медвежий шелом,
Привезённый с других берегов,

Спит Колыма-река, промерзая до дна,
И ледяшкой стучит почтальон.
На страницах «Известий» приходит весна
Потеплевшим дыханьем времён.

И пока, отдыхая, в горячем поту,
Почтальон распивает чай,—
Горожане, проснувшись, спешат в темноту
Проверять ожиданья свои.

Белокрылые стаи хрустящих газет
Говорливей соседей-гостей;
Будто ярче играет полуденный свет
Отраженьем больших новостей...

В многолюдье оттаяв,
Довольный собой,
Под расписку сдавая тюки,
Почтальон засыпает
Над книжной стопой,
Не сгибая упрямой руки.

Путь жестокий — четыреста синих снегов,
Пять завьюженных северных дней;
Сквозь туман — колыханье оленьих рогов,
Торопливые скрипы саней.

Ошалелая вьюга впадает в азарт,
Но спокойны якутские сны.

Место — город Колымск,
Время — тундровый март,
Россыпь звёзд — накануне весны.

ЯКУТСК

В башне Тыгына засовы
Ночью уже не гремят.
Белые шкурки песцовы
Тучи развесили в ряд.
Встал ты, широкий, тесовый,
Северный мой вертоград.

Встал ты, на подступах к морю,—
Сторож далёких путей,
Поднял высокую зорю —
Флаг молодых кораблей.
Я тебе песнею вторю,
Город отчизны моей.

Ливни, морозы, метели —
Всё пронеслось над тобой.
Нынче поют свиристели
Утром весны голубой;
Тёплые звуки-капели
Падают в ленский прибой.

Город, воспетый в былинах,
Молодость ты уберёг.
Ты на таёжных долинах
Нам перепутьем залёг,—
Город в якутских пустынях,
Арктики ближний порог.

Узел дорог кругосветных,
Мне твои звёзды горят.
После скитаний заветных
Будь мне товарищ и брат,
Город сияний рассветных,
Северный мой вертоград.

ТРАКТОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ ЗОЛОТОТРАНСА

1

Заря спускается с вершин,
Её давно на тракте ждут.
Колонна — двадцать семь машин.
В путёвках — скоростной маршрут.

Не отставай!
Лети! Гони!
Петляет тракт: туда-сюда.
В кювет, гляди, не подверни.
Гудрон струится, как вода.

Обманчив каждый поворот —
Дорожных знаков не прочесть,
Сухая пыль стекло дерёт...
Который час?
Должно быть шесть.

Почти светло.
Гони! Лети!
За ночь километров пятьсот.
Теперь, как раз на полпути,
Спускаться надобно с высот.

Петляет тракт:
Сюда-туда.
Ущелья, пропасти, обрыв.
Чуть-что — и ухнешь без следа.
Водитель стал неговорлив.

Всю ночь калякал.
А сейчас,
За этим каменным углом,
Кепчонку сдвинувши до глаз,
Застыл, пригнувшись над рулём.

2

Часа четыре будет спуск.
Не снимешь ногу с тормозов.
Рассвет в пыли совсем потуск,
Сомкнулись прореди лесов.

Машина—что, а вот—прицеп!
Как ни крутись, а десять тонн
На поводке железных скреп
Грохочут, катятся вдогон.

Подъём — пустяк.
Мотор не сдаст.
На спуске только не зевни.
Шипит, свистит гравийный пласт,
Краснеют задние огни.

Лети! Гони!
Не отставай!
Колонна врезалась в провал,
Спугнула отдых птичьих стай,
Но соблюдает интервал.

Шофёры мчатся
Следом — в след.
Низины сыростью дымят.
Таёжным солнцем разогрет,
Метнулся горный водопад.

Ручей дорогу пересёк,
В стекле забились стрекоза,
Мелькнул приземистый мосток...
Заскрежетали тормоза.

3

Кепчонку сдвинув набекрень,
Водитель пот смахнул со лба.
— Кажись, не плохо начат день!
— Ну, как, понравилась гоньба?

Вчера километров пятьсот,
Сегодня триста за полдня.
Золототра́нс проверит счёт,
Конечно, тшательней меня.

Но я работу шоферов,
Ведущих скоростный маршрут,
Ценил бы званьем мастеров,
Искусством звал бы этот труд.

Я в список Сталинских наград
Включить водителя прошу:
Он должен быть лауреат...
Так я в Москву и напишу.

ПРИИСК ИМЕНИ ГАРИНА

Мы задержались на последней переправе...
Дымящаяся горная река
Несла осенний паводок.
Как волки на облаве,
Крутились камни возле челнока.
Подводный зуб вспорол брезентовое днище:
Едва-едва не утонули.

А потом,
Как водится,
Пришлось раскладывать кострище,
Вылавливать мешки,
Изырять за рюкзаком,
Бродить по отмелям — отыскивать, что уцелело.
И тут, как раз, хватили холодá.
От инея всё в тундре поседело.

На третий вечер после переправы,
Мы еле-еле выбрались туда —
К нему.
Но было поздно.

Дмитрий Гáрин спокойно и без сновидений спал.
Он умер, видимо, за несколько часов до нашего
прихода.

Снежок его палатку осыпал,
Какие-то озябшие пичуги прыгали у входа.

Наутро мы его похоронили.
Глыба синеватого гранита,
Поставленная памятником год спустя,
Стоит над прииском,
Как верная защита,
Оберегая наши дальние места.

Теперь уже вдоль голого пригорка
Старательский посёлок — в сто домов,
Гидравлики бурлит скороговорка,
Аэродром близ взорванных холмов.

Теперь мы убедились достоверно,
Был правильным разведочный размах:
Здесь россыпь коренная, — беспримерно!
Металл чистейший кроется в грунтах.

Тяжёлые, блестящие крупицы
С отливом перламутра и луны,
Мы шлём в лаборатории столицы,
В сокровищницу отческой страны.

Однажды в месяц к нам приходят самолёты.
Отправив с ними добытый металл,
Забыв на время новые заботы,
Я выхожу на тундровый увал.

У глыбы синеватого гранита,
Мне кажется, я встречу и сейчас
Проводника туземца-следопыта,
Услышу вновь скупой его рассказ:
— Товарищ Гарин там остался...
В тундре...
Обезножел...
Припасы вышли...
Путь — двенадцать дней...

Мы с базы шли четырнадцать,
И он до нас не дожил.

Под старенькой палаткою своей,
Лежал он исхудалый, невесомый.
У изголовья в сумке дневники,
Портфель, до боли мне отчётливо знакомый,
И образцы, зашитые в кульки.

Геолога походное хозяйство —
Трёхмесячного поиска итог,
В порядке всё дорожное убранство
Товарищ наш старательно сберёг.

Да, я забыл сказать, что он лежал с винтовкой,
Закрыв собою вход, как часовой.
И свёрток карт, затянутых бечёвкой,
Нашли мы у него под головой.
Запечатленный труд!
И россыпи и жилы,
Расцвеченные точками шурфов,
На этих картах двигались и жили —
Заметы неостывшие следов.

Не кармином окрашенные знаки
По синей кальке вычертили круг.
Разведка недр — подобие атаки,
Заместо раны — гибельный недуг.

Он был когда-то воином,
Геолог Дмитрий Гарин,
И не забыл гвардейства своего.
...Открытый прииск северных окраин
Навечно назван именем его.

АНГАРСКИЙ ЛУЧКИСТ

Зима навстречу лесорубу
Ссыпает звёзды с облаков;
Плечистый лес укрылся в шубу
Из горностаевых снегов.

Заря — капризная девица —
Спешит на прорубь к Ангаре,
Водой хрустальной умыться,
Сверкнуть причёской в серебре.

Но что ж ты нынче запоздала?
Ты проспала, заря... Гляди,
У самой кромки лесовала
Бригада наша — впереди!

Спеши, заря, а то отстанешь...
Слышь, на горé и у горы,
По всей тайге, куда ни глянешь,
Постукивают топоры.

Мороз. Погодка бедовая.
Но басовито, как пчела,
Гудит утеха трудовая,
Моя лучковая пила.

Заря, заря! Иди, погрею,
Вставай-ка рядом, тут, со мной.
Твою сонливость я развею
Стальной певучею струной.

Послушай, как поёт! Проворна,
Легка, задориста, остра,
Опилки сыплет словно зёрна
Моя таёжная сестра.

Да, да, сестра! Мы с ней родные.
А ты не веришь? Вот и зря!
У нас характеры стальные:
Вот, в чём родство, пойми, заря.

КАЛЕНДАРЬ ОЛЕНЕВОДА

Время ранних телят

Огнистые брови насупил глухарь,
Тетёрки кряхтят на токах;
В тайгу наплывает истомная ярь,
Вскипает вода в родниках.

Сугробы густеют под настом тугим,
Всё чаще и чаще капёль.
И вот перелеском пустынным, нагим
На север выходит Апрель.

Колхозного стада счастливый пастух,
Ему говорю я: «Пора!
Полсотни ватажных моих оленух
Уже отелились вчера»...

На тоненьких ножках устойчиво встав,
Оленчики маток сосут,

Вдыхают подснежные запахи трав,
Мохнатые рыльца трясут.

Шагай поскорее, ленивый Апрель,
Гони золотое тепло!
Набухла смолистыми соками ель —
На ствол янтарём потекло.

А утром морозцы позёмкой пылят...
Зиме говорю я: «Пора!
Мне надо лелеять оленьих телят,—
Полсотни родилось вчера.

Давай-ка, на север сдвигайся, Зима!
Апрель, подогрей её, друг!»
Ручьи принимают в свои закрома
Последние россыпи выюг.

Пестрят на проталинах свежие мхи,
И скоро гусиный залёт.
Готовьтесь в кочёвья, друзья-пастухи,
Считайте ветвистый приплод!

Время летних пастбищ

С моря дует солёными ветрами,
Моховища на тундре богаты.
Кочевыми дорогами летними
Дни проходят светлы и крылаты,

Наши выпасы — место исконное,
Урожайное тучными мхами.
Солнце, в полдень и в полночь бессонное,
Соревнуется тут с пастухами.

Свет его на песках перламутровых
Озерки отражают беспечно.
Благоденствие щедростей тундровых
Стало радостью сердца навечно.

Лето в небе шатры нам развесило,
Не скупясь на горячие краски.
По приморью кочуется весело,
Оленята растут и подпаски.

Молодые утехы давнишние—
Летованье запомнится нá год.
Словно бархат, кочкарники пышные,
Жёлтым жемчугом кустики ягод.

Не успеешь опомниться, к осени
Подрастут и стада и деревья.
Первый дождь из задымленной просини
Позовёт на другие кочевья.

Ветер с моря хлестнёт в гололедицы,
Одичают быки ездовые.
Семь зрачков поднебесной Медведицы —
Будут наши огни путевые.

Время оленьих ночей

Облака навалились косматы,
Потушили зарю-завечорку.
Иглы лиственниц ливнями смяты,
Перемёрзли в хрустящую корку.

Снегу падать ещё не охота,
И земля, как железо, звеняща.
Куропатки ушли на болота,
Запустела, нахохлилась чаща...

За становьями в ночи глухие
Гулкий топот, прыжки нападенья;
Бьют рога, будто сучья сухие.
Это осень гуляет оленья.

В трёх шагах от костра зги не видно:
Темь густая, хоть щупай руками;
И в неё провалился обидно
Мой вожак с завитыми рогами.

Потянуло его, забияку,
На любовные игры ночные:
В эту пору, как ввяжется в драку,
Позабудет повадки ручные.

Что поделаешь, ночи-зазимки
Засевают весеннее семя...

Оленухи теперь нелюдимки.
И на пастбищах тихое время.

В первый раз после шумного лета
Пастухи и подпаски — на сборе;
Чаепитье идёт до рассвета,
Трубки дружно дымят в разговоре...

Утром вышел я, вижу: пороша
Кружит белые перья над логом,
У палатки стоит, шерсть взъероша,
Мой вожак... с переломанным рогом.

Время зимних стоянок

По следам голубых индигирских песцов
Снеговая вскипает волна.
На зубчатую стену границы лесов
Медный бубен вкатила луна.

Он вот-вот загремит под ударом пурги,
Или скатится в тундру опять...
Уходи под защиту матёрой тайги,
На становья спеши кочевать!

Наши зимние станы закончили путь
В двадцати переходах на юг.
Можно будет оленям теперь отдохнуть,
Не пугаясь назойливых вьюг.

За спиной лесотундровых сплюснутых гор
Сторожами стоят валуны.
Бригадир выходит в летучий дозор,
Проверяют свои табуны.

С лёгким посвистом лыжи вздымают носы,
Карабин наготове всегда,
И оскалили пасти клыкастые псы,
Оббегая родные стада.

Росомаха до пастбищ не смеет дойти,
Пуля есть для полярных волков.
А метель запрокинулась на полпути,
Налетев на заслон сосняков.

Погляди, как спокоен на пастьбе косяк:
Словно лес, шевелятся рога;
Впереди выступает гривастый вожак,
Разбивая копытом снегá.

Матки вместе с телятами хрупают мхи,
Нынче мох уродился богат.
Значит, будем богаты и мы, пастухи,
Гуртоправы счастливых бригад.

Северная Якутия

ИСКАТЕЛИ МЕТАЛЛОВ

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,
На походном треноге
Медный чайник бурлит.
Ночь глухая, сухая,
Свет зарниц полыхает.
У костра-дымокура
Экспедиция спит.

Проводник под сосною
Спит и бредит весною.
Два геолога рядом
На кошме улеглись.
А начальник усталый
Лёг в траву под кустами
И не видит, как звёзды
Над тайгою зажглись.

Россыпь звёзд — астрономам,
Небеса им знакомы...

На земле для геологов
Есть работа своя:
Рёбра гор обнажили
Самородные жилы;
Кровь металлов цветную
Перевалы таят...

У костра-дымокура
Сохатинная шкура,
А на шкуре добыча:
Голубая руда,
Отраженьем рассветов —
Пестрота самоцветов,
Блеском северной ночи —
Зеленеет слюда.

Каждый взлобок нагорья,
Каждый куст лукоморья
Перерыт, перещупан
Терпеливой рукой.
Молотки притупились,
Сапоги изнасились:
Путь отмечен на карте
Непрерывной чертой.

От зарницы к зарнице
Путь на север стремится,
Рудознатцы советские
Шли тайгой напролом:

От шумливых соседей
Убежали медведи,
И глухарки с гнездовий
Забрались в бурелом...

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,
На походном треноге
Медный чайник бурлит.
Только надо признаться,
Крепко спят рудознатцы,
Им сейчас не до чая,—
Сон над ними летит.

Звёзды в небе яснеют,
Сосны к утру синеют.
В перелеске воркует
Игрун-свиристель.
Сладко спят молодые,
Видят сны трудовые...
Пусть периной им будет
Травяная постель!

ОТКРЫТИЕ АВТОСТРАДЫ

Полюс холода!
Чёрного неба зиянье.
Белых пиков над тундрой чудовищный взлёт.
Полюс холода.
Здесь замерзает дыханье,
Спирт густеет, а ртуть превращается в лёд.

Верхоянск!
По сухим, замороженным тучам
Покатился ущербный осколок луны,
А гранитные глыбы к спадающим кручам
Припаяла, должно быть, рука сатаны.

Край земли!
Тут до дна промерзают озёра,
Под сугробами стелется зябнувший лес,
Исполинские скалы огнём разузоря,
Полыхают сиянья с подножий небес.

Там, за тучами, наша лёгла автострада,
Прорубила у каменных мамонтов лбы.
И уже к Океану прошли для парада
В телеграфных шеренгах стальные столбы.

Празднествует победу свою Верхоянье.
Правда, митинг недолог и скромн на вид.
Да ведь здесь иногда замерзает дыханье.
А сегодня оркестр добровольно гремит.

С головой завернувшись в косматые шубы,
Встречный марш музыканты усердно дудят.
Хриповато рокочут латунные трубы,
И по Цельсию снова мороз — шестьдесят!
Ну и пусть его!

Вспыхнула алая лента.
Автострада открыта.
Две сотни машин,
Нахлобучив на дверцы щиты из брезента,
Полетели по ветру на гребень вершин.

В Верхоянске мы будем ещё спозаранок,
Над хребтами сполохи зажгли светофор.
Полюс холода нынче простой полустанок,
Его замечает не каждый шофёр.

АРКТИЧЕСКИЙ ПОРТ

Отбив атаку мутного прибоя,
Стеной гранита поднят волнорез.
Знакомый флаг на мачте китобоя
Летит над сводом низеньких небес.

Частенько тут спасаются в отстое
Захваченные бурями суда.
На побережье некогда пустое
Глядит, дивясь, Полярная Звезда.

Ещё причалы камнем не обуты,
Вода глотает щебень и бетон,
А к нам уже проложены маршруты.
Вступает в строй арктический затон.

Мы ставим порт у самой дальней грани,
На стыке вновь открытых берегов,
Где по утрам мираж рассветной рани
Мостит пролив кусками облаков.

Мы ставим порт — приютом и заслоном
От штормовых, внезапных непогод;
Под этим тусклым, тёмным небосклоном
Не заскучает больше мореход.

На край земли, к распахнутым воротам,
На перекресток сумрачных морей,
Выходят в рейс по северным широтам
Флотилии советских кораблей.

Дорóга их по дедовскому следу,
По маякам постов передовых,
Где, трудовую празднуя победу,
Зажглись сиянья бухт сторожевых.

И новый порт войдёт в сиянье это —
Его огнями льды озарены:
Дыханьем нашим будет обогрето
Строительство окраины страны.

ИРКУТСКИЙ ТРАМВАЙ

Трудящимся города Иркутска
от трудящихся города Ленина-
(Надписи на вагонах Иркут-
ского трамвая)

Горный ветер затих пред зарёй,
Потускнело мерцание звёзд.
Над хрустальной рекой Ангарой
В небо врезался каменный мост.

Как тунгусский натянутый лук,
Изогнувшись между берегов,
Он гранитный взметнул полукруг,
Чуть коснувшись опорных столпов.

Ранним часом, когда солнцевсход
Красит охрою облачный край,
Над разливом грохочущих вод
Появляется первый трамвай.

Алым лебедем блещет вагон,
Искры брызжут с тугих проводов,
И рассвет ему мчится вдогон
По серебряным лентам следов.

Я не верю, что тысячи вёрст
Отделяют от нас Ленинград:
На ангарский стремительный мост
Огневые вагоны летят.

Ленинградской расцветки эмаль,
И моторы у них не сдадут;
Через всю азиатскую даль —
Прямиком до Иркутска идут.

Услыхав переливчатый звон,
Просыпается старый Байкал;
Богатырские кедры в поклон
Перегнулись на выступах скал.

— С добрым утром! — запели гудки.
Встало солнце во весь небосвод.
У могучей сибирской реки
Ленинградская слава живёт.

Этой славою будет пылать
Молодая заря навсегда.
И Сибирь повторит: «Исполать!» —
Благодарная дружбе труда.

Коммунизма родная семья:
Город городу друг и собрат...
Слава вам, ленинградцы-друзья!
Честь тебе, трудовой Ленинград!

ВЕЛИКИЙ СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ

НАВИГАЦИЯ В АРКТИКЕ

Тяжёлый шаг линейных ледоколов
Пробил дорогу транспортным судам.
И вот уже у пристаней и молов
Бурлит в камнях зелёная слюда;
И вот уже над тундровой равниной
Яснеет неба дымчатый сапфир;
В радиобудке клёкот журавлиный,
А наш радист «врывается» в эфир.

— Что там?

— Да что, брат, свистопляска,
Шестнадцать станций сразу говорят!
Прогноз погоды требует Аляска,
Охотск оглох,
С Якутией — разлад...

— Ну, ничего, сейчас их вгонят в нормы.

Что караваны? Вышли? С двух сторон?

— Идут, браток! На западе сквозь штормы,
А на востоке — льдам наперегон.

Идут. Сюда!..

Я слышу их в эфире,
Я вижу их в разбуженных морях.
Рыбацкие становья на Таймыре
Позолотила тёплая заря.
Зимовки, принаряженные к встрече,
Нетерпеливо бодрствуют и ждут:
Маршрут в душе проверен и размечен.
Труби, прибой, труби! Они идут.

Плывут большие наши караваны.
И с ними жизнь сама плывёт сюда —
В полунощные, будущие страны,
В арктические бухты, в города,
В посёлки наших первых пятилеток —
Где новые зарницы поднялись,
Где вологжанин, мой далёкий предок,
Открыл вот этот Зыблющийся Мыс.

Незыблем мыс. Зыбуче только море,
А берега отечества тверды.
Вдоль полпланеты брезжатся в просторе
Тяжёлых лет расколотые льды.
На полюс тянет айсбергов остатки,
А в Заполярье — флагов бирюза;
И от Архангельска до гаваней Камчатки
У маяков затеплились глаза.

И от Чукотки к Мурману с рассветом
Сигналят рейды, станции, посты.

Главсѣвморпуть, командующий летом,
Несёт для нас ожившие мечты.
За журавлями следом самолёты
К аэропорту нашему летят,
И скоро-скоро солнечные соты
Горячим мёдом тундру напоят.

Крайний Север

КОМАНДИР ЛЕДОКОЛА

Будь я скульптором, честное слово,
Изваял бы его фигуру,
И гранит, может быть, сурово
Воплотил бы в себе натуру...

Вот он встал у командной рубки,
В задубелом морском кожане;
Горьковатым дымком из трубки
Потянуло в ночном тумане.

Седоватые брови хмуря,
Он читает радиосводки,
Где обещаны снова: буря
И сплошной ледогон с Чукотки.

Командиру это не в диво.
Пепел трубочный выбив за борт,
Принимает он терпеливо
Новичка аварийный рапорт.

Новичку первый рейс — не шутки,
И на сердце, ей-ей, тревожно.
Дрейф идёт уже третьи сутки.
Зазимуем? Да разве можно!

Трое суток рычат турбины.
На винте обломилась лопасть
Под кормой громыхают льдины
И бездонная бьётся пропасть.

Меднолицый, широкоскулый,
(Острый глаз в голубом закале),
Командир наш, всегда сутулый,
Распрявился вдруг на аврале.

Словно вырос он как-то сразу,
Даже поступь потяжелела.
Всё послушно его приказу —
Он хозяин души и тела.

Всё живое на ледоколе
Поднял дух командирской силы.
Подчиняясь чудесной воле,
Вахты смен себе не просили.

Мне теперь будет долго сниться
Дрейф ночной возле скал Чукотки:
Мокрый ветер и снег в ресницах,
Луч прожектора,
Скрип лебёдки.

И высоко, над верхней рубкой,
Я увижу и через годы
Силуэт человека с трубкой —
Победителя непогоды.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ

Вот какое ты!
Огромное,
Неприветливое,
Тёмное:
Ураганом взбаламучено,
Будто судорогой скручено.

Вечно зыблемое шквалами,
Ты грозишься льдами талыми;
Берега твои бескрайные,
Редки гавани случайные.

Но прекрасно даже гневное
Ты, седое море, древнее;
Шапкой облачной покрытое,
Даже летом ледовитое.

Люди русские — всегдашние,—
Наши прадеды бесстрашные,

Из холстины парус ставили,
На судах дощатых плавали.

Зимовать на берег чалились,
Не робели, не печалились,—
Проторили трóпы правнукам,
Молодым друзьям-полярникам.

Имена их светят скромные,
Словно звёзды в ночи дрёмные:
Маяки, сигналы, пристани,
Обозначенные исстари.

Здравствуй, здравствуй, море древнее,
Неприветливое, гневное:
Мы твоей волной умоемся
И ещё с тобой поборемся.

Бейте вглубь дороги вольные,
Караваны ледакольные!

НА ПОСЛЕДНЕЙ ПАРАЛЛЕЛИ

В пловучих льдах они малы и хрупки.
Мохнатый иней стынет на бортах.
Стальные остроносые скорлупки —
Они впервые в северных портах.

Откуда шли, куда пойдут сегодня, —
Рассказывать не будем мы сейчас.
Для них дороги в Арктике свободны,
Вот что должно порадовать и вас.

Конечно, бури, слякоти и штормы,
Напор полей расколотого льда —
Всё это было (даже выше нормы).
Но, главное, они прошли сюда.

Порадуйтесь! И пристальней взгляните
На это море дыблящихся глыб,
На это солнце, мутное в зените,
И на стальных заиндедевших рыб.

Пуржит, свистит, свирепствует моряна,
На мачтах поднят вымпел штормовой.
От океана путь до океана,
А нынче год зловредный, ледовой.

Туман прядёт редешую пряжу,
Ещё не кончен северный маршрут,
Но я спокоен.
Если нам прикажут,
Стальные корабли до полюса пройдут!

ПРОЛИВ БЕРИНГА

Не в сводках Северморпути,
А на яву
С подводной лодкой мне итти.
И я плыву.

Плыву туда, где Беринг плыл,
На рубежи,
Где в полночь солнца свет застыл
В морях чужих.

На стыке двух материков
Тумана нет.
Под парусиной облаков
Лучится свет.

Мне померещился вдали
Тяжёлый бот.
Быть может, Беринг корабли
Опять ведёт?

Быть может, Дежнева суда
Навстречу нам
Под ветром тянутся сюда
Вразрез волнам?

Нет, это новый караван
В советский порт,
Перевалив меридиан,
Ведёт эскорт.

Два ледореза впереди
Взметнули флаг.
Дана команда: «Подходи
И следуй так».

Зарокотали дизеля,
Вперёд, вперёд!
Большая русская земля
Сигнала ждёт.

Радист у нас не говорлив.
И вот ответ:
— Проходим Берингов пролив.
— Отставших нет...

Отставших нет. Проверен путь.
Не нужен лот.
Звездой арктической будь,
Полярный Флот!

ПОДЪЕМ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛАГА

Корабельное время пришло на побудку,
Заливается боцманский свист:
Старый друг мой рокошет неистово в дудку,
По утрам он всегда голосист.

Вишь, как рявкнул — у самой каюты!
Это, значит, чтоб я не проспал,
Чтоб одеться успел за четыре минуты
И к поднятию флага попал.

Повинуясь порядку большого похода,
Торопливо бегу на корму,
Где упругие волны с бортов парохода
Снеговую трясут бахрому.

Море нынче в зыбучем слоистом тумане,
И опять запоздала заря.
Только боцманский свист никогда не обманет,
И вставал я — так рано — не зря.

Как торжественны люди на вахте рассветной!
Вот ударили склянки. Гляди...
На железную мачту, родной и заветный,
Поднимается флаг впереди.

Он над судном парит золотыми огнями,
Герб Отчизны могуче подняв;
Он, как солнце, свободно проходит морями,
Непогоду в пути обогнав.

Потому-то торжественно замерли люди,
И у всех потеплели глаза.
Никакая пурга нас теперь не остудит,
Никакая не сломит гроза.

Поднят флаг.
А заря, как всегда, поздновата.
Хлещет ветер знобящей струёй.
Но моё сухопутное сердце солдата
Побраталось с матросской семьёй.

БУХТА АМБАРЧИК

Чем ты славишься, бухта Амбарчик,
Я пока никому не скажу.
Заколдованный северный ларчик,
Я с Востока к тебе подхожу.

Но и тот, кто плывёт мне навстречу,
Ждёт твои голубые огни
И в июльский блистающий вечер,
И в сентябрьские серые дни.

О тебе говорят мореходы,
Ледоколы стремятся к тебе.
Ты встаёшь сквозь заслон непогоды,
Угнездившись в прибрежной резьбе.

Неказисто кругом, неприглядно,
И суров после шторма прибой.
Но полярному сердцу отраднo
Повстречать твой огонь голубой.

Лишь бинокли тебя обнаружат,
Посветлеет в пустынях ночных,
Забывается знобкая стужа
И коварство полей ледяных.

Заколдованный северный ларчик
На далёком, скупом берегу,
Ты прославишься, бухта Амбарчик,
Честным словом поклясться могу!

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ЧУКОТКЕ

Серебряные тучи,
Эмалевые горы,
Береговых излучин
Чеканные узоры.

Я полон недоверья:
Ужели полночь — это?
Но облачные перья
Не потеряли света.

А на часах — двенадцать!
И где-то дремлют люди,
И сны кому-то снятся,
Такие же, как всюду...

Мне третью ночь не спится.
Гляжу замороженный:
Чудесный свет лучится
Бессмертием рождённый.

В теплеющем заливе
Заснувшего китёнка
Волна неторопливо
Качает, как ребёнка.

А дальше мать китиха,
Полна большой заботы,
Фонтан пускает тихо
Почти под самолёты.

Летающие лодки
Неслышно опустились,
И вот — земля Чукотки,
К которой мы стремились.

Мой брат или мой пращур,
Не знаю, кто встречает,—
А сердце бьётся чаще
И другу отвечает.

Нам радостны приветы
Полночной этой жизни.
Не ею ли согреты
Окраины Отчизны?

Чукотские просторы,
Задымленные кручи,
Эмалевые горы,
Серебряные тучи.

ЛЕДОВОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Серые мокрые птицы
На борт садятся рядами.
Тусклое море дымится,
Сжатое грузными льдами.

Сея колючие иглы,
Тучи темны, как берлоги.
Ранняя осень настигла —
Пройдено лишь полдороги.

Тяжко вздыхают машины,
Гулко грохочет железо;
Рвёт голубые плешины
Вздыбленный нос ледореза...

В бочке, на мачте гудящей,
Вахту несущую ледовую,
Словно бы в люльке висящей,
Мчусь в пустоту штормовую.

Льды и разводья и тучи
Видно отсюда, как с горки.
А в телефоне хрипучи
Штурмана скороговорки:

— Как там?

— Да так, ледовито...

— Ладно идём?

— Без сомненья...

Мачта гудит басовито,
Судно полно нетерпенья.

Мне хорошо в непогоду:
Вахта на бочке — по нраву.
— Ходу, товарищи, ходу!
Нас не догнать ледоставу.

БОЛЬШОЙ ДИОМИД

Эскимосское стойбище. Ветер.
Океанский медлительный вал.
Горизонт по полуночи светел.
Не во сне ли всё я увидал?

Многоликие идолы-горы.
Разноцветные камни-столбы.
На песках водорослей узоры
И тюленьих лежанок горбы.

Пахнет морем солёно и пряно.
Зверобои сидят у костров.
Это племя детей океана,
Совладетели двух островов.

Слушай, слушай! Ударил винчестер,—
То меня подзывают к кострам:
Дескать, если охотился вместе,
Ты не гость, а хозяин здесь сам.

Что ж, обычаем славна охота.
Два котла остывают в песке.
В знак, должно быть, большого почёта —
Мясо мне подают на доске,

Вилки мы заменяем руками...
Но завиден у всех аппетит!
Чашка спирта распита глотками:
— Здравствуй, остров Большой Диомид!

Любы мне твои чудные краски.
Неотрывно гляжу в океан:
Грузовые суда из Аляски
Задымили опять сквозь туман.

Говорят, тут проходит граница
Между прошлым и нынешним днём.¹
Этот остров — рубежная птица,
И сегодня — грядущее в нём.

¹ Между островами Большого Диомида (СССР) и Малого Диомида (США), в Беринговом проливе, проходит наша государственная граница и международная граница дня. Астрономические сутки кончаются в США, и новый день начинается на территории Советского Союза.

ЛЕНИНГРАД—КАМЧАТКА

Домов серебряные крыши.
В снега закутанные сопки.
К вершинам их (и даже выше!)
Бегут натóренные тропки.

От солнца хочет заслониться
Гора в дымящейся борчатке.
Но ты светла, моя столица,
Мой Петропавловск-на-Камчатке.

Весь город словно на ладони,
Как муравейник хлопотливый.
Автомшины, нарты, кони
В поток сливаются бурливый.

Всё мчится в гавань, на причалы,
Где загудели теплоходы,
Где новый вымпел повстречали
Преодолевший непогоды.

Через пустыню снегопада,
Между ветрами ледяными
Он к нам пришёл из Ленинграда
Морями Арктики ночными.

Балтийский вымпел на Камчатке!
Почётный гость моей окраины.
Гора в дымящейся борчатке¹
Салютом вспыхнула случайным.

Под снегом здесь огни земные.
Но жарче пламени вулканов
Сердца камчатские родные
Балтийских встретят капитанов.

Весь Петропавловск в гавань вышел...
Поют оркестры теплоходов.
И золотистый стяг колышет
Заря весенних солнцевосходов.

¹ Борчатка—сибирская овчиная шуба.

НАД КУРИЛЬСКОЙ ГРЯДОЙ

Как спины каменных китов,
Овалы плоских островов
Внизу ныряют между туч. .

Сегодня утром ветер жгуч:
Кидает клочьями туман,
В бугры взрывает океан.
Прибой, намылив островки,
Распластывает плавники.

Буруны хлещут на камнях,
Кипит чешуйчатый размах.
Посадки бухта не даёт...

Тяжёлый гидросамолёт,
Завинчиваясь в высоту,
Разбрызгивает мокроту:
Перепотелое стекло
Дождём холодным обтекло.

Внизу — Курильская грядá.
Ползут транзитные суда,
Рыбачьи катеры бегут.

Сигналы реют там и тут.
Живёт окраина, живёт!
Задумчиво глядит пилот,
Насупилась густая бровь.
Привиделось, наверно, вновь:

Грозóвый сорок пятый год,
Осенний штормовой поход,
И высадка десантных групп...

В туман, на остров Итуруп,
Вот здесь, с дождливой вышины,
Торжественно-напряжены,
Нацелившись на тёмный мыс,
Десантники бросались вниз.

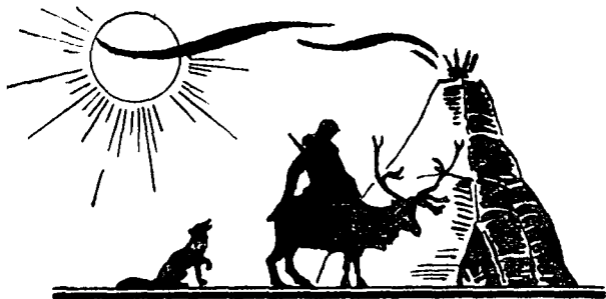
Зенитки лаяли внизу.
Два дня гремело на мысу.
Японский сдался гарнизон.

Он был бы вовсе истреблён,
Да оглушённый штурмом враг
Покорно поднял белый флаг.
И был салютом осиян
В то утро Тихий океан.

Российской славою гордя
Плывёт Курильская гряда:
За островами — острова.

В морском приволье синева.
По берегам встают дымки,
Перекликаются гудки...
Стоянку нам друзья дают
В тишайшей бухте Итуруп.

**ВСТРЕЧИ
С
МУЗОЙ**

Думы, думы мои, смутьяны,
Вы приходите каждый год...

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

У ворот университета
В новой зелени старый сад;
Накануне большого лета
Тополинный цветёт наряд.

Острова в голубые ленты
Запоясала Ангара.
Озабоченные студенты
На экзамен спешат с утра.

Мой диплом отработан честно —
Двадцать лет штурмовых дорог.
И казалось вполне уместно,
Так сказать, закруглить итог:

Отдохнуть, ну, не в лаврах — в кедрах.
(Ведь медаль «За отличие» есть!)
Можно рыться в фольклорных недрах,
Или тихо в архив засесть;

Воспевая родные были,
Помаленьку твердить азы...
Нет, не этому нас учили
На путях молодой грозы.

Диссертации наши слабы,
Устаревший диплом не в счёт.
Изменились наук масштабы:
Надо заново сдать зачёт.

Государственный наш экзамен
Проверяет всю жизнь твою.
Чем назавтра ты будешь славен?
Как сегодня идёшь в строю?

Где твой труд, на каких страницах
Воплощение твоей мечты?
Не забудь, что экзамен длится,
Подготовлен ли к сдаче ты?

Прошлой славы сегодня мало,
Для дипломников скидки нет.
Время новых наук настало:
Заходи в университет!

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ В СЕРГЕЛЛЯХЕ

Сыну моему Рюрику

Тёплые ручьи на Сергелляхе,
Тёплая весёлая трава.
Небо в розовеющей папахе
В полночь затуманится едва.

Солнце не спускается за горы,
Березняк густеет с каждым днём;
Северные дальние просторы
Зеленеют бархатным руном.

И с утра до позднего заката,
Яркому приволью обрадев,
Смуглые якутские ребята
Плещутся и в травах и в воде.

Лагерь пионерский на пригорке,
Будто муравейник, хлопотлив,
И горнист трубит на каждой зорьке,
Жаворонка песню повторив.

В трусиках и в маечке с заплаткой,
Почернев на солнышке, как грач,
Перед штаб-квартирною палаткой
Бойко заливается трубач.

И послушно детскому сигналу
Лето продолжает свой поход:
Солнце, приготовившись к привалу,
Снова поднимается, идёт.

В ливнях согревающего света
Длится благодатная пора;
Зорькой пионерскою согрета
Наша подрастает детвора.

Перед штаб-квартирною палаткой
Будущность выходит на дозор:
В трусиках и в маечке с заплаткой
Маленький трубач сигналил сбор.

Якутия

ПОЛЯРНЫЙ ЗОВ

Думы, думы мои, смутьяны,
Вы приходите каждый год.
Вольный ветер с верховьев Яны
За собою к морям зовёт.

Тёплой песней, ещё не петой,
Похваляются журавли.
Как противиться силе этой
Полюбившему край земли?

Пароходы уже в проливах,
Самолёты штурмуют высь;
На дорогах весны счастливых
Все друзья мои вновь сошлись.

Среди полночи утро встало,
Факел солнца неугасим.
Разве мне отставать пристало,
Старожилу полярных зим?

Нет, и я попрошу путёвку,
Инвалидный листок верну:
Пусть назначат меня в зимовку,
Чтоб я снова узнал весну.

Чтобы ветер с низовьев Яны
Журавлям подпевал за мной,
Чтобы думы мои, смутьяны,
Всколыхнули простор земной.

РЕЧКА ПОЛЕДУЙ

Наши девушки гуляли,
Песней душу забавляли,
Говорили спящей речке: «Полелуй!
Полелуй скорее, речка,
День весенний недалечко,
Просыпайся, разливайся, Полелуй!..»

Речка в день весны вставала,
Разливалась, ледовала,
Торопилась погулять за берега;
Лёд зелёный, синий, белый,
Словно мёд цветистый, спелый —
Растекался на елани и логá.

Этот лёд не скоро стает.
Но с ним рядом вырастает
Разузоренный, неведомый цветок.
Он бутоны распускает,
Тёплым кружевом сверкает
Синевато-серебристый лепесток.

В речку тот цветок глядится,
С нею именем роднится,
И зовут его девицы — «Поледуй».
Поледуй — цветок привета,
Радость северного лета
Подарили мне на речке Поледуй.

Если грусть туманом ляжет,
— Поледуй, — мне сердце скажет, —
Путь твой будет по-весеннему широк.
А когда растают льдины,
Сгинут горькие години,
Песня вырастет, как радостный цветок.

ВЕТФЕЛЬДШЕР

Весною дни огромные
И за Полярным Кругом.
Цветы на тундре скромные
Раскрылись друг за другом.

У нас в колхозе Раечка
И та цветёт травинкой;
Простой зелёной маечкой,
Лиловой косынкой.

Мила мне эта бойкая
Любимица посёлка,
Как ветка ивы стойкая,
Якутка-комсомолка.

Взгляните-ка, хоть издали...
На моховом болоте
Лучи туман разбрызгали,
Кочкарник в позолоте.

Узорчатыми ситцами
Ягельник лёг богато;
Точёными копытцами
Толкутся олениата.

На бегунце оседланном,
Негромко напевая,
По тундре едет медленно
В мою бригаду Рая.

Лицо смуглеет бронзово,
Пушистые ресницы,
А губы тёмнорозово
Цветут у чаровницы.

Невольно сердце ёкнуло,
С чего и сам не знаю,
Всё сразу вдруг поблёкнуло,
А я стою — пылаю.

Но предколхоза шепчет мне:
— Ты что, брат, Анатолий,
Не видывал ветфельдшера?
Столбняк с тобою, что ли?..

ЛЕНСКИЕ СКАЛЫ

Скалы? Нет, не похоже на скалы.
Допотопные чудища в ряд
Поднимают крутые оскалы,
Всеми красками радуг горят.

Горы? Нет, не похоже на горы,
Это — башни, дворцы, теремá,
Колоннады, террасы, соборы,
Минареты, гробницы, домá...

Ты мне скажешь: утёсы! Да что ты?
Это — стадо летучих коней,
Носороги, слоны, бегемоты...
Ты толкуешь: «Причуды камней»..

Но вот, это — конечно, не камень!
Это витязь с разбитым щитом
Упирается в небо руками,
Нахлобучив гранитный шолом.

Там, подальше, стоят великаны,
По колена увязнув в тайгу,
Иступили свои ятаганы
И оставили на берегу.

Видишь лезвия? Здесь воевали!..
Дремлют палицы, спят бердыши,
На секирах насечки пропали.
Только копыя ещё хороши!

Высоко́ они в небо взлетели
На уступах расколотых плит.
Сто веков и в жару и в метели —
Это ленская стража стоит.

Так-то, друг мой! А ты равнодушно
Бормотал о причудах камней.
Целый день мы глядим,— и не скушно
Пассажирам речных кораблей.

Загляделось на ленские вóды
Даже солнце в янтарной броне.
Чудеса богатырской природы
В богатырской, чудесной стране.

ОКНО В НЕБЕ

Косматые тучи, как шкуры медвежьи;
На Лене студёная рябь.
А горы скучают в морозном бесснежье
И птиц угоняет сентябрь.

Весь день торопливые стаи мелькают,
И в криках прощальная грусть,
Как будто они и меня зазывают.
Но я... зимовать остаюсь.

...Закат в этот вечер был вовсе не виден,
Совсем становилось темно.
Глядел я на небо в жестокой обиде,
А в небе открылось окно.

Окно золотисто-лазоревой дали,
Ступенька к порогам высот,
Улыбка, которую больше не ждали,
Надежда, что сердце несёт.

И пусть лишь недолго окошко светлело,
Пусть тучи сомкнутся грозят:
Мне кажется, будто в тайге потеплело
И птицы вернулись назад.

В тяжёлые дни, сквозь заботы и горе,
Откроется счастья окно,—
Взгляни на него, как в широкое море,
Где плыть и тебе суждено.

Усть-Кут

КАРБАЗ НА ПЕРЕКАТЕ

Я зазевался на корме.
Передо мною в полутьме,
Как бы поднявшись к облакам,
Клубилась дикая река.
В просторе мчащейся воды
Закат гасил свои следы.

И вдруг удар! Гремучий треск!
Волны обрушившийся всплеск.
Скрежещет дно. Борта скрипят.
Свиреп проклятый перекат,
Мой спутник сразу побледнел:
— Ты что же, друг, куда глядел?

— Куда глядел? Туда... вперёд!
Но спутник яростно берёт
Из рук моих тяжёлый руль:
— Ну, ты не вó-время заснул,
Кабы беды не вышло, брат.
Опасен этот перекат...

— Опасен, да... Гремит волна,
Влетает в лодку к нам она.
Клыки зазубренных камней
Сомкнулись вокруг ещё тесней.
Сейчас раздавят.— Эй, весло
Держи покрепче!.. Пронесло?

— Да, пронесло!.. И в жизни так:
Просмотришь путеводный знак,
Раздумаешься невпопад —
И налетишь на перекат.
Тогда верней держи весло,
Чтоб через смерть перенесло.

ПИСЬМО ПОДРУГЕ

В туман ушёл весёлый светлый Мурман;
Неразличима ближняя земля.
На вахту скоро встанет новый штурман,
Но я ещё не списан с корабля.

Ты говоришь, пора оставить дело:
Больному сердцу надобен покой...
Да у меня в морях полжизни прогудело,
Что делать мне в тиши береговой?

Без карты я могу пройти, наощупь,
Вдоль кромки льда меж двух материков.
Родные флаги в сумерках полощут,
Не угасают звёзды маяков.

Горюешь ты, что ранние недуги
Палят меня безжалостным огнём.
Пусть даже так! Зато, осилив вьюги,
Мы на весну штурвалы повернём.

Не лёгкий путь. Стареют наши лица,
И седина, и в сердце перебой.
А жизнь тепла, и юность словно птица
Летит-зовёт на подвиги с собой.

Ещё не вся освоена планета,
Полярный рейс прошли мы не вполне.
На половине песня не допета,
Зачем на берег списываться мне?..

Сегодня зыбь — гремучая, тугая;
Миражит полюс в дыме золотом.
Ты не пиши мне больше, дорогая,
Не жди меня ни завтра, ни потом.

Когда-нибудь тебе на тихий Мурман
Морская почта вынесет пакет:
— У Мыса Бурь скончался старый штурман,
Других потерь пока в походе нет.

УХОД ЛЬДОВ

Среди зимы бывает так:
Уходит лёд,
Как будто кто-то подал знак —
Весна идёт.

Ещё вчера мертвела тишь,
А нынче гром.
И удивлённо ты глядишь
На мир кругом.

Гудит мятежница вода,
Свободно ей.
И ты забыл про холодá,
Тебе теплей.

Твои надежды и мечты
Свободны вновь,
По-молодому веришь ты
В свою любовь.

Назавтра штормы взгромоздят
Обратно лёд.
А у тебя спокоен взгляд:
Весна придёт!

ОЛЁКМИНСКАЯ ПРИСТАНЬ

Легки и серебристы
Над Леной облака.
Плывёт в туман пушистый
Просторная река.
И вдруг гудок басистый
Запел издалика:
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань!
Встречай-ка земляка!

И вот летучий, быстрый,
Задорный ветерок
Прорвал туман пушистый
И вдоль и поперёк...
С вершины гор лесистых
Спустился городок.
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань —
Заветный уголок!

Бегут, бегут навстречу
И люди и домá.
Всем сердцем им отвечу...
А где же ты сама?
И где твой шарф цветистый
В девической руке?
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань
На северной реке.

Подняв свою котомку,
По сходням прохожу,
Смотрю на незнакомку
И слов не нахожу.
Лишь взгляд родной, лучистый
Сказал, что это — ты...
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань,
Далёкие мечты.

В тяжёлые години
Состарились мы, друг,—
Блестят на нас седины...
Но солнечно вокруг.
Черёмуха душиста.
Прошла тоска зимы.
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань,
Опять счастливы мы!

ЗАМЁРЗШИЕ ЗВЁЗДЫ

Хочешь, я надену старые пимы,
Медвежью шапку и оленью шубу,
И если фотограф умело снимет —
Я выйду на карточке резким и грубым.

Таким я бывал в полярных походах...
И сердце моё тебя повстречало,
Когда замёрзшие звёзды качало
Над мёртвой палубой парохода;

Когда к прикладу примёрзли пальцы.
Мы оттаивали над примусом,—
Помнишь, конечно?

Та зима показалась бы холодом вечным,
Но в горах мы нашли горючие сланцы.

Нет! Унеси этот мех обратно.
Я чувствую, север зовёт меня.
Тише!

Высокое небо в мерцающих пятнах,
И где-то тюлень над прорубью дышит...

Что мне толкуют врачи о болезни,
Весною поеду в Чаунскую Губу —
Северный воздух курорта полезней...
Стой! Не укладывай старую шубу!

БЕРЕСТЯНАЯ ЛОДОЧКА

Берестяная лодочка,
Расписное весельце...
Эй, рыбачка-молодочка,
Не тревожь моё сердце!

Кличут чайки-кудесницы,
Тундра солнцем согрета.
У тебя, у насмешницы,
Целый век жду ответа.

Знаю, я тебе суженый,
Что ж молчишь, северянка?..
Серебристой жемчужиной
Уплыла берестянка.

Молодая, беспечная
Не оставила следу.
Но любовь моя вечная —
Я за нею поеду.

Пронесусь над порогами,
В водопадах не сгину,
Заревыми дорогами
Одолею пучину.

Эй, ты, песня-находочка,
Сбереги моё сердце!..
Берестяная лодочка,
Расписное весельце.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТУНДРУ

Я перешёл на другой меридиан.
Ровная тундра цветёт кругом,
Летние вóды клубит океан,
Гонит волну золотым руном.

В проливе фонтанит бродяга кит,
Гагары купают жёлтых птенцов.
Чукотская кровь мне говорит:
— Это страна твоих отцов!

Смутно и нежно дымятся дали,
В кочках прыгают рыжие лёмминги;
Круглые звёзды, словно медали,
Катятся в небе над морем Беринга.

Вечером, возле костра, в дремоте
Чувствую: травы теплы и сладки.
Слышу: ветер ширококоротый
Мчится на южный берег Камчатки.

В ночь засыпаю, как спят соболя —
На моховище, среди камней.
Вольная тундра, отцова земля,
Юность моих незакатных дней!

ПРИЗЫВ К ТРЁМ СТИХИЯМ

Ты, солнце,
Лучами обрызни,
Счастливым теплом напои
Окраины милой отчизны,
Холодные тундры мои.

Ты, ветер,
Рукою широкой
Сорви пелену облаков,
В пустыне моей одинокой
Затеpli огни маяков.

Ты, море,
Порывом певучим
Ударь в предвесенние дни,
Раздвинь ледовитые кручи,
Сугробы снегов всколыхни.

Свой голос я к вам подымаю,
Великого отклика жду,

Навстречу желанному маю
В последнюю вьюгу иду.

Прими меня, море, как друга!
В собратья мы ветер возьмём,
И солнце полярного круга
Любезным отцом назовём.

Берег Полярного моря.

ПЕРВЫЙ ЛУЧ

В полдень над мёртвыми кручами
Вспыхнуло что-то забытое,—
Будто волнами блескучими
Море плеснуло открытое.

Ну, не гляди ты так жалостно,
Может быть, лишь показалось мне.

Думал я, вот-вот затеплится,—
(Так и мечтали мы давеча).
В сорок лет всё же не терпится,
Новой весны ожидаючи...

Не улыбайся насмешливо,
Может быть, мне померещило.

Брось ты! Причём астрономия?
Есть календарь недочитанный:
Выйдет заря — незнакомая,
Полдень зажжётся — невиданный.

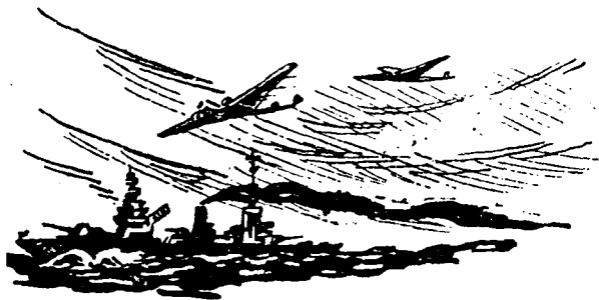
Что ж ты молчишь, сероглазая?
Пусть это только фантазия.

Серое, мутное марево
Вместе с сугробами съёжится,—
Близко чудесное зарево:
Как же, мой друг, не тревожиться?

Ты объясни нетерпение
Солнечным сердцебиением.

Тундра полна ожидания;
Завтра мы будем счастливее,
Луч к нам придёт на свидание —
Стану и я терпеливее.

Выпьем-ка чарочку пенного
В честь солнцевсхода весеннего!

СЛУЖБА ПОГОДЫ

Памяти павших за
оборону Заполярья

СЛУЖБА ПОГОДЫ

Поэма

...вступая в ряды Вооружённых
Сил, принимаю присягу и торжест-
венно клянусь быть честным,
дисциплинированным, бдительным
воином... до последнего дыхания.
Военная присяга.

1

На месте Кёнигсберга встал Калининград.
Советский вымпел плещет в Порт-Артуре.
И я давно, как будто, не солдат...
Но боевая выучка в натуре.

Жизнь проверяет пропуск фронтовой.
Возьмём анкету,
Наново заполним.
И если нас окликнет часовой,
Пароль объявим,
Лозунги напомним.

Мы держим сердце честно и открыто:
Оно в «запас» не выйдет никогда,
Ничто не будет сердцем позабыто,
Ничто в нём не исчезнет без следа.

2

Ты спишь сейчас на подступах к Петсамо,
Закутанная тундровой пургой.
Мерцающее, радужное пламя
Полнеба опоясало дугой.

Легчайшие прозрачные пушинки
Над холмиком могильным шелестят;
Согбенные берёзы-нелюдимки
Серёжками хрустальными блестят.
Как холодно!..

А помнишь, мы мечтали
С тобою на Чукотке зимовать,
Ребяческими пальцами листали
«Челюскинца» знакомого тетрадь?

А помнишь, как потом мы в институте
Синоптикою оба увлеклись,¹

¹ Синоптика—современная наука предсказания погоды. Отсюда—синоптик, учёный специалист, работающий в области составления прогнозов (предсказаний)

Погоду изучая на маршруте,
Который нам прокладывала жизнь?..

Пусть до Чукотки мы не дослужили,
Путёвки были только на Таймыр.
Зато нас привечали старожилы,
Лелеяла Восточная Сибирь.

Я помню нашу первую зимовку.
Шестидесятиградусный мороз
Показывал особую сноровку:
Ошибочен был первый наш прогноз.

Был уговор у нас — не зазнаваться.
В «краткосрочных»
Ты ушла вперёд,
А мне хотелось, надобно признаться,
Погоду предсказать — на целый год!

Однажды погордились мы «ошибкой».
Я сына предсказал, как все отцы,
Ты дочь ждала и спорила с улыбкой.
А вышло, что родились близнецы:
И дочь и сын.

погоды. Прогнозы различаются „краткосрочные“, напр., на текущий день, на следующие сутки, за несколько дней вперёд, и „долгосрочные“—за несколько недель, месяцев и т. д. (Примечания автора).

Они уж пионеры.
По-взрослому со мною говорят.
Сын хочет быть пилотом стратосферы.
Дочурка собралась растить на тундре сад.

Я верю, их мечты осуществимы,
Судьба не будет мачехой для них.
Заботами Отечества хранимы
Мечтания наследников твоих.

А ты лежишь на подступах к Петсамо,
И не ответишь мне...
Прощай-прости!
Пурга гремит жестоко и упрямо,
И долго мне тебя не навестить.

3

Работа. Дети. Горькое сиротство.
Я думал, что не выдержу.
А вот,
Стихиям и страданиям в превосходство,
Прогнозы ставлю твёрдо пятый год.
Ошибки стали реже.

В кабинете,
В Бюро погоды
Видно мне сейчас,
Как ураган подходит на рассвете,
В твою могилу гулко постучась.

Грохочёт нѳчь.
Я вижу и с Чукотки
Едва заметный белый бугорок,

Прижатый камнем краешек пилотки,
Расколотого деревца кусок
И звёздочку со ржавью жестяную,
Осыпанную пылью снеговой,
И надпись неуклюжую, простую
Над бедною твоею головой.

Как эта надпись кратка и сурова!
За десять тысяч вёрст её видать:

Людмила Николаевна Багрова, Сержант-синоптик части 205.
--

И всё...

И даже не заплакал я, как будто.
В последний раз тебя поцеловал,
Потом работал, помню очень смутно,
Хотя прогнозы ясные давал.

Не помню только час, когда тебя убили.
Не записал в дневник.
Но, знаешь ты сама,
Ведь было наступление, Людмила,
Была такая грозная зима.

Воздушная эскадра в эти сутки
Не дождалась семнадцати машин.
Я сам запрашивал метеобудки,
Определяя утренний режим.
Он был ужасен.

В штабе все молчали,
Когда я объявил прогноз в «ноль-ноль».
И ты поймёшь, что все мои печали
Влились в большую, яростную боль:
Мы потеряли много в этот день.

И всё же,
Торпедоносцы справились с врагом.
А путь назад... для них был невозможен:
Циклон взревел —
На триста миль кругом.

...Через неделю, в сумерках дымящих,
На леденелом тёмном берегу
Оплакал я и лётчиков пропавших
И бедный холмик, спрятанный в снегу.

4

На Крайнем Севере погоду делал дьявол
(Так говорят легенды якутов).
И кто в Чукотском море нынче плавал,
Поверить будет этому готов.

Все наши предсказания браковались.
Восточный Сектор получил упрёк
Из Центра.

А районы надрывались,
Покуда летний шёл грузопоток.

Весь август каменела ледяная прорва.
Сентябрь разводья дал у берегов.
План перевозок не был сорван
Благодаря упорству моряков.

Вся Арктика соревновалась с ними.
Морские перевозки в этот год
Казались мне делами фронтовыми.
Скажу одно: гвардейский был поход!

Тяжёлый шаг линейных ледоколов
Пробил дорогу транспортным судам,
И дьявол севера от пристаней и молгов,
Ощерясь, отступил по собственным следам...

Как делает погоду дьявол?
В сказке — просто.
На Оймяконе, буйством холодов,²

¹ Август — сентябрь — наиболее судоходные месяцы Восточной Арктике.

² Оймякон — район Северной Якутии, где недавно определён мировой „полюс холода“.

Мёрзлотной нарастаящей коростой
Он держит влагу западных ветров.

В какие-то невидимые щели
Загнав Гольфштрема греющий поток,
Матёрый лёд с последней параллели
Крошит в куски и гонит на восток.

Спрессованную полярную стужу
Охапками рассыпав на лету,
Он в Океан ворвётся, словно в лужу,
Разбрызгивая злую мокроту.

Но это сказка или полусказка.
Проделки дьявола нам видимы всегда.
Метеосводок доблестная связка
Погоду нам покажет без труда:
Опишет то, что было или стало
В любом квадрате карты СССР.

Однако этого сегодня мало...
Что будет завтра?
Или, например,
Через неделю,
Через месяц или полгода?
Где будет тихо, где рванёт гроза?

Грядущего неведома погода,
Её-то нам и надо предсказать.

Поэзию и точную науку
Объединяет кровное родство,
И, проходя сквозь творческую муку,
Чудесное рождается мастерство.

Поэт всегда синоптик — по природе.
Синоптик — по профессии поэт.
Они зарáне мыслят о погоде,
Которой ещё не было и нет.

Хотя не совершенны предсказанья
(Наука предсказаний молода!),
Но разуму высокого дерзанья
Поможет наше сердце иногда.

Оно подскажет много из такого,
Чего метеосводки не дадут:
Таимого, быть может рокового,
Чего ещё не ждали и не ждут.

Используйте, друзья, военный опыт,
Кровавую науку прошлых лет.
Пусть ваша память мужественно копит
Сигналы поражений и побед.

Не забывайте павших!
Наши дети
Осиротеть вторично не должны.

Любую бурю надо будет встретить,
И предсказания верные нужны.

На всех границах, внутренних и внешних,
На суше, в море, в воздухе,—
Всегда

В сиянье полдней, в сумерках кромешных
Погоду не на месяц,
На годá
Обязаны мы знать
И без ошибок
В очередном прогнозе изложить.

Циклон прошёл. Но климат мира зыбок.
И нам, синоптики, придётся послужить.

6

Земля Советская!
Великая Полярная Держава!
От Печеньги к Курильским островам
Прошла её полунощная слава
По всем проливам, рекам и морям.

Тропинки первых русских мореходов.
Казачий поиск, ощупью, во льдах.
Столетия отчаянных походов.
Могилы на потерянных следах.

Всё взято с бою,
Натиском, упорством,
Подвижничеством дедов и отцов,
Самоотверженным российским благородством,
Отвагою и волей храбрецов.

Всё взято честно,
Доблестно, открыто.
Вся Арктика освоена трудом
Таких людей, чьё имя знаменито,
По чьим путям и нынче мы идём.

Подвижников бессмертная плеяда!
Светлейшие зарницы-имена!
Вам суждена достойная награда —
Всех вас увековечила страна.

Семён Иванович Дежнев.

Беринг Витус.

Лаптевы.

Прончищев.

Седов...¹

И в этот ореол

Вошли челюскинцы,

Папанинцы,

И наш воздушный витязь —

Валерий Чкалов, северный орёл.

¹ Первоисследователи русской Арктики.

И ты вошла в бессмертие, Людмила.
В созвездии хранителей мечты
Ты мне дорогу жизни осветила.
Я снова у арктической черты.

7

Вот я и дослужился до Чукотки.
А ты... со мной не будешь зимовать,
Не будешь поджидать ночные сводки,
И некого мне больше ревновать.

И голос твой я больше не услышу,
Украдкою тебя не обниму.
Ты спишь.
Тебя снега колышут.
Не холодно ли сердцу твоему?

Я бы согрел тебя своим дыханьем,
По-юношески снова бы любил...
Вернись!
Мне больно жить скупым воспоминаньем,
Ведь впереди ещё вторая жизнь.
И я, клянусь, любви достоин буду;
Я не запью и не сойду с ума,
А в смертный час печаль свою забуду.
(Тогда придёт спокойная зима).

Я потерплю, я выдержу, Людмила!
За жалобы меня не укори.

Бывает, знаешь...
Вьюга так уныла,
И мне, вдовцу, не спится до зари.

Вдовец.
Какое пасмурное слово!
В нём горький привкус
Траурных седин,
Безлюбья,
Одиночества ночного...
Но я с детьми. Я в доме не один.

Благодарю тебя, моя Людмила,
Твоё наследство я оберегу.
Ты щедро за любовь вознаградила,
Я не останусь у тебя в долгу.

Всё будет так, как мы с тобой мечтали.
Полярниками выращу детей,
Утешу их сиротские печали
Заветом светлой памяти твоей.

Я приучу их к всяческой погоде:
Чтоб стойкими, упорными росли,
Солдатами бывальыми в походе
И жизнь и смерть они перенесли.

Во сне они сейчас бормочут: «Мама...»
А утром на портрет твой поглядят.

Им всё понятно:
Ты убита под Петсамо,
Под Печеньгой,
Пять лет тому назад.

Они всё помнят.
Может, и с Чукотки
Им видно, даже явственней чем мне,
Прижатый камнем краешек пилотки,
И мамину могилку на войне.

.

Твоя медаль
«За оборону Заполярья»
Спокойно в детской комнате лежит.
Циклоны западного полушарья
Не перейдут за наши рубежи.

8

Новёшенькою картою сверкая,
Сынок вчера устроил мне аврал:
— Да, разве наша Арктика такая?
А где Норильск? ¹
Куда он запропал?

¹ Город Норильск—один из новых заполярных центров Восточной Сибири.

Дочурка иронически-обидно
Показывала пальчиком пятно,
Что означало тундру, очевидно:
— Ты знаешь, папочка,
Тут Новый Порт давно!
Взгляни-ка...

— Да, действительно, неладно.
Ветхозаветно что-то...
Как-никак,
Не школьникам, а всей стране досадно:
Пробел на карте — вовсе не пустяк!

Учебник географии стареет,
Покамест напечатают его,
А составитель высказать не смеет,
Что жизнь вперёд уходит без него.

Пока ещё корректоры, зевая,
Вставляют запятые перед «и»,
На пристани неведомого края
Причалили вторично корабли.

Пока ещё готовят переплёт
И тиражей дождётся Учпедгиз,
Освоены высокие широты,
И маяки над выюгами зажглись.

Фундамент довоенных пятилеток
Застроила на Севере война.

Но в хронике спецкоровских заметок
Гигантская картина не видна.

Что пишется о Севере?

Морозы.

(Ну, ясно, нет тропической жары!)

Олени.

(Есть олени и оленсовхозы!)

Охотники.

(Здесь промышляют даже маляры!)

А что ещё?

Песцы, медведи, льдины,

Собаки, чумы, лодочки, моржи...

Ну, словом, архидревние былины.

Вы спросите: «А чем их освежить?»

Не спорю, описания правдивы,

Да, разве это всё?

Нет!

Школьники правы:

Описывая Арктики заливы,

Дополните ещё две-три главы.

«Челюскин» принял гибель не напрасно,
Папанин не для спорта дрейфовал.

Теперь географ может безопасно
Перелететь за Северный Урал,
Заночевать, допустим, под Витимом,
А через двое суток — океан,
Где Дежнев-Мыс стоит неборимо,
Отбив щитом аляскинский туман.

И даже при таком вот перелёте
Географ бы заметил без труда:
Полярный Круг — в весеннем повороте.
Не стойбища шумят, а города.
Взамен костров зажглись теплоцентрали.
Колодцы шахт прогрызли мерзлоту.
Аэродромы зимней магистрали
Прожекторами сбили темноту.

Географ, загляните в наши школы,
На станции полярные, сюда!
Порадуйтесь, как люди-новосёлы
На тундрах оседают навсегда.

По-русски оседают: домовито,
Со всем своим семейным багажом,
Со всей роднёй
И с тем советским бытом,
Который мы законно бережём.

Сдают зачёт вторые поколения
(Метрические справки дать могу!)

Таких ребят — полярников с рожденья,
Которые на юг не побегут.

Нет, им отрадней тундровые дали,
Просторы океанской стороны.
Они здесь радость жизни увидали
И будут солнцу Арктики верны.

Географы, приблизьтесь к нашей яви,
Ведь компаса стрелу не повернуть,
И, говоря о Северной державе,
Пора в учебники ввести Главсевморпуть.

10

Я не запомню родословной.
Дед батрачил,
Гонял плоты по Северной Двине.
Отец искал на промыслах удачи
И утонул в неведомой волне.

Под парусами шхуночки ловецкой
Мальчишеская плавала зря.
На Мурмане,
В моей просторной детской,
Бродягой-юнгой дожил я до Октября.

Потом ликбезы, курсы и рабфаки,
И, наконец, заветный институт,

Который все полярные вояки
Отцовским домом с нежностью зовут.

И, в самом деле, там усыновляли:
Учили душу,
Сердце берегли,
А после в дальний путь благословляли,
Во все края затундровой земли.

Там повстречалась мне Людмила.
Наука предсказаний и примет —
Синоптика — с любовью породнила.
Мы кончили особый факультет.

Затем пять лет зимовок...
Да, в анкете,
Толкуете вы,
Надо повторить
Всё, что в военном значится билете,—
Иначе рвётся фабульная нить?

Вам нужен возраст?
Сорок лет.
Что дальше?
Партийность?
Большевик.
Каков партстаж?
С тех дней, когда мы на походном марше
Сказали северному дьяволу: «шабаш».

Не принимаете метафор?
Ставлю дату.
Март. Тысяча девятьсот тридцать девятый год.
Чем вы удивлены?
Забывчивость по штату
Нам не положена, товарищ патриот.

Давайте, проведём политбеседу:
«В те дни был Восемнадцатый Партсъезд...»
Ну вот, и вспомнили.
По солнечному следу
Пошла тогда весна далёких мест.

Да, да, я говорю о директиве,
В ней Съезд приказывал:
«Немедля развернуть
Весенний фронт в Арктическом массиве».
Командовать назначен был Главсевморпуть.¹

Он и тогда имел уже сноровку,
Резервы, опыт, средства и людей.
И, получив от Партии путёвку,
Принялся за работу, чудодей.

11

Главсевморпуть!
Посельщик заполярный,

¹ XVIII съезд ВКП(б) принял специальное решение о развитии Северного морского пути.

Бессонный сторож полюсных широт,
В ночных морях прожектор лучезарный,
Горячий вымпел, рвущийся вперёд.

Главсевморпуть!
Советский мореходец,
Рыбак, оленевод и китобой,
Электрик, лесоруб, горнопроходец,—
Владеющие сушей и водой.

Главсевморпуть!
Учитель, медик, лётчик.
Шофёр, радист, кессонщик-водолаз,
Литейщик, зверолов, водопроводчик.
(Синоптика я ставлю здесь в «запас»).

Главсевморпуть!
Художник и профессор,
Строитель, астроном, экономист —
Содружество ремёсел и профессий,
И я, его поэт-пропагандист.

Мы, граждане окраины Отчизны,
Эпохи песнетворческая суть,
Большевики воинствующей жизни.
(Короче, мы и есть — Главсевморпуть!)

12

Немецкий снайпер был разорван миной,
Примерно через час

После того, как он тебя убил.
Тот выстрел был его последним...

Над равниной
Чуть брезжило.
Морской прибой рябил
Свинцово-маслянистыми волнами,
Позёмка раздувала белый прах,
Летели тучи низко над камнями.
Передний край постреливал впотьмах.

Оттуда мне и позвонили...
Твой приятель,
Гвардеец-лейтенант сочувственно басил
О том, как миномётчик-наблюдатель
Прямым накрытием немца «погасил».

Покашляв, лейтенант спросил погоду,
И вдруг разъединили телефон.
Арктическому дьяволу в угоду
На Печеньгу надвинулся циклон.

Семь дней пришлось работать без оглядки.
Штаб требовал погоду каждый час.
Метеостанции играли с нами в прятки.
Всё это мне припомнилось сейчас.

Сумятица в эфире. Грохот ветра.
Крутящиеся ленты телеграмм.

И где-то близко, за два километра,
Тебя везут на нартах, по снегам.
Везут ко мне — прощаться...

Как я встречу?

Об этом и помыслить я не мог.

Командующий ждал: что́ я отвечу?

Прогнозы все оправдывались в срок —

Была надежда на ошибку.

И напрасно.

Я знал, что не затихнет ураган.

Сухие цифры говорили ясно —

Взбесился Ледовитый океан.

Торпедоносцы не могли вернуться с моря.

Семнадцать экипажей — без следа!

Крупинку моего большого горя

Не сразу я почувствовал тогда.

Начштаба дал мне отпуск —

Два часа страданья.

Когда работал, боль была глухой,

А тут... могила, тяжесть расставанья,

И этот снег, назойливый, сухой.

Всё сердце мне насквозь запорошило,

Пока ты уходила от меня,

И долго-долго голову кружило
От вспышки автоматного огня.

Две «очереди» скромного салюта,
Обратный путь, отчаянный, без слёз...
Горбатая, томительная смута
Со мной уселась вместе за прогноз.

13

По виду, говорят, я был в порядке.
Работал, как обычно, по часам.
Курил, обедал, спал на плащпалатке.
И лишь никак не мог проснуться сам,—
Меня будили силой.
А спросонок
Мерещилось, что я лежу в снегу,
Среди спирально-вьющихся воронок,
Лежу и приподняться не могу.

Врачи зовут такое состоянье «шóком».
Не знаю, так ли... Ясно только мне:
В холодном отупении глубоком
Без смерти можно сгинуть на войне.

Я одеревенел совсем, Людмила,
Погиб бы я тогда, наверняка.
Да помогла мне дружеская сила,
Товарищества тёплая рука.

Спасла меня Отчества забота
О наших сиротинках-малышах;
Лекарством мне была работа,
В которой обновляется душа.

Моё непоправимое несчастье
Не выросло в калечащий недуг.
Суровое, солдатское участие
Невидимо затеплилось вокруг...

Какие-то посылки собирали
И спрашивали адреса детей.
Знакомые радисты с магистрали
К чему-то мне послали сухарей.

Огромный ворох ёлочных игрушек
Откуда-то доставил медсанбат.
Передавая сказочных зверушек,
Посыльная сказала: «Для ребят...»

С игрушками в руках я вдруг очнулся —
Исчезло одиночество моё:
Твой образ новой памятью вернулся,
Бессмертное напомнив бытиё.

.

Пять лет прошло в надежде и в тревоге.
Проверив сердце тысячей невзгод,

Стою я на арктической дороге
Разведчиком невидимых погод.

Весеннее предвидя наступленье,
Зарю встречая в бездне темноты,
Держу я боевое охраненье
На подступах высокой широты.

Ещё не совершенны предсказанья,
(Наука предсказаний молода)
Но разуму окрепшего дерзанья
Поможет сердца опыт иногда.
Поможет наша воинская дружба,
Рождённая победами в борьбе.

На службе я. Но разве это служба?
Моя работа — памятник тебе!

14

Когда-нибудь припомнят эти годы
Поэты совершеннее, чем я.
Синоптикам устойчивой погоды
Останется лишь лирика моя.

Но до отставки мы не дослужили.
Туманность застилает кругозор.
Прошла война.

Бураны откружили.
А климат Мира зыбок до сих пор.

Просматривая рубрики газеты,
Прогноз как будто ставить мудрено.
Однако и случайные приметы
Не спрячутся сегодня под сукно.

В Аляске копят атомные бомбы.
Испытывают танк в гренландском льду.
В метельные зарывшись катакомбы,
Авианосцы «черчиллей» идут.

Куда они идут?
Почти на полюс!
Медведей, что ли, будут устрашать?
Десантники, спустившись в снег по пояс,
Ведут игру...
Не будем им мешать.

Вот только бомбы атомные ваши
Скорее разрядите, господа.
Атолл Бикини можно ошарашить,
Но здесь не юг.
Здесь твёрдая вода!
(Я говорю о льдах).

¹ Атолл Бикини—коралловый остров в Тихом океане, где американской военщиной были проведены демонстративные испытания атомных бомб.

Тут подмандатных территорий нету.
На север Азии — у нас лежит мандат.
И если вы не верите поэту,
Тогда я заявляю как солдат.

История ведёт свои подсчёты:
Кровавый долг оплатится сполна.
Мы вовсе не слепые звездочёты,
Которыми вселенная полна.

Мы рейдеры разбойничьи топили
На Карском и в Беринговом морях.
Обломки черножёлтых эскадрилий
Валяются на наших берегах.
Пиратские, дырявые подлодки
В пучинах мнёт Полярный Океан.

Наш Север, от Петсамо до Чукотки,
Зарницами Победы осиян.
Всё взято с бою,
Жертвами, трудами...

И, если где-то ветер посвежел,
Поднимем Солнце выше надо льдами,
Циклон остановив на рубеже.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКИЙ СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ

Звёзды Полярного круга

Семён Дежнев	5
Памятник Шелехову в Иркутске	8
Последний поход Седова	11
Чкалов в „зоне недоступности“	13
Лагерь на Вершине Мира	15
Русские флаги в Антарктике	17

Восточный Сектор Арктики

Строитель дорог	20
В хребтах Бырранга	22
Радиопост	25
Фотокарточка капитана Битягова	27
Охотские жители	30
Бывалый полярник	32
Осень зверобоя	34
Красный чум в Эвенкии	36

Ульян-белковщик	39
Газетная почта в Заполярье	42
Якутск	45
Трактовые перевозки Золототранса	47
Прииск имени Гарина	51
Ангарский лучкист	55
Календарь оленевода	57
Искатели металлов	63
Открытие автострады	66
Арктический порт	69
Иркутский трамвай	70

Великий Северный Путь

Навигация в Арктике	73
Командир ледокола	76
Восточно-Сибирское море	79
На последней параллели	81
Пролив Беринга	83
Подъём военно-морского флага	85
Бухта Амбарчик	87
Белая ночь на Чукотке	89
Ледовой наблюдатель	91
Большой Диомид	93
Ленинград—Камчатка	95
Над Курильской грядой	97

ВСТРЕЧИ С МУЗОЙ

Государственные экзамены	103
Пионерский лагерь в Сергелляхе	105
Полярный зов	107
Речка Поледуй	109
Ветфельдшер	111
Ленские скалы	113
Окно в небе	115
Карбаз на перекате	117
Письмо подруге	119
Уход льдов	121
Олёкминская пристань	123
Замёрзшие звёзды	125
Берестяная лодочка	127
Возвращение в тундру	129
Призыв к трём стихиям	131
Первый луч	133

СЛУЖБА ПОГОДЫ

Служба погоды. Поэма	137
--------------------------------	-----

